

Государственный музей
истории литературы,
искусства и культуры Алтая

Роберт
Рождественский

«...о времени суровом и великом»

Стихи о Великой
Отечественной войне
1941-1945 гг.

Барнаул, 2020

Редколлегия

И.А. Коротков – директор ГМИЛИКА

С.И. Бутырских – заведующий Мемориальным музеем

Р.И. Рождественского (филиал ГМИЛИКА)

Дизайн обложки – Е.В. Хотетовская

Рождественский Р.И.

«...о времени суровом и великом»: Стихи о Великой Отечественной войне. – Барнаул: ГМИЛИКА. – 2020.

Вашему вниманию предлагается сборник стихов, который является продолжением второго выпуска Поэтической серии Мемориального музея Р.И. Рождественского «Жизнь, помноженная на войну» (2015). В издание вошли произведения поэта разных лет, в которых он вспоминает о своем военном детстве, делится впечатлениями о том, что пережил сам. Помимо биографических произведений сборник содержит стихи, в которых поэт осмысливает и заново проживает время военного лихолетья, время, наполненное страданиями, горем и отчаянием, беспримерным героизмом защитников Родины и радостью Победы.

Издание посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и адресовано широкому кругу читателей.

© Е.Р. Рождественская, 2020

© Государственный музей истории литературы,
искусства и культуры Алтая, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Рождественский Р. «Я родился в 1932 году в Сибири ...»	4
Дети войны	6
Концерт	7
«То зима была, будто война...»	10
Тыловой госпиталь	12
Третье музыкальное	15
В сорок четвертом	18
«Родных разыскиваю...»	21
«Мы судьбою не заласканы...»	23
Война	24
«Почем фунт лиха?»	32
Последняя песня	35
Базар того года	37
«Был солдат на небывалой войне...»	40
Воспоминание об июне 45 года	41
На военном параде	42
Отец и сын	45
Военные мемуары	47
«Если б камни могли говорить...»	49

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Я родился в 1932 году в Сибири, в небольшом алтайском селе Косиха, недалеко от города Барнаула.

Мой отец – кадровый военный, мать – врач.

В июне сорок первого года мои родители ушли на фронт. Так что моя судьба вполне типична для того времени. Ведь миллионы советских мальчишек и девчонок проводили тогда на фронт своих отцов, старших братьев, а иногда – матерей.

Мы жили в городе Омске. Война шла далеко от Сибири. Разрывов бомб, свиста пуль я не слышал, и все-таки воспаленное, почти осязаемое дыхание войны ощущалось ежедневно, ежечасно.

Война была в наших снах и в наших играх, в наших буднях и в наших праздниках. Война была всюду. И казалось – была всегда.

Она была в затемненных окнах и в том, что на клумбах городского парка росли не цветы, а картошка.

Война была в том, что очереди – длинные, как жизнь, – стояли около каждого продовольственного магазина.

И в том, что голоса радиодикторов были похожи на голоса пророков.

И еще в одном была для нас война: время от времени то одна, то другая семья получала небольшие конверты, в которые были вложены квадратики серой бумаги. Бумага была почти невесомой, а весила – тонны.

Похоронками назывались эти листики. А извещали они о том, что «... Ваш сын (муж или брат) пал смертью храбрых...».

За четыре военных года такие письма пришли в каждую советскую семью. В каждую. И поверьте: то, что я сейчас говорю, – это совсем не гипербола, не надуманный поэтический образ. Это – правда.

Правда и то, что павшие до сих пор смотрят на нас оттуда – из войны. Смотрят с пожелтевших фотографий. Смотрят из далеких глубин памяти, будто со дна океана. Они смотрят на нас – молодые, сильные, улыбающиеся.

Смотрят и молчат. Словно ждут ответа.

Их много – тех, кто тогда не вернулся с фронта. Очень много. Их – двадцать миллионов. Именно такую немислимую и страшную цену заплатил за победу мой народ.

Так что повзрослели мы рано. И мятущееся пламя войны навсегда осталось в наших глазах. И в наших стихах осталось. Даже в самых новых, самых сегодняшних...

Жизнь состоит из разных вещей. Она состоит из шелеста знамен и шелеста трав. Из встреч и разлук. Из цветов на свадьбе и цветов на могиле.

Жизнь состоит из шепота и грохота, любви и ненависти, глобальных проблем и будничных забот. Есть в ней снега и дожди, слезы и смех, надежды и разочарования. Дополняя друг друга, соседствуют в ней в одно и то же время все вчера и все сегодня. Все завтра и даже все послезавтра.

Она невероятно огромна – эта самая жизнь.

И все-таки, как ни странно, она вмещается в маленькое человеческое сердце. Вмещается целиком. Со всеми своими горами и океанами, днями и ночами, тропинками и автострадами, фактами и домыслами.

Жизнь такова, что не мы ищем тему, – это тема находит нас...

*Цит. по: Рождественский Р.И.
Семидесятые. Стихи. – М.:
«Современник», 1980. – С. 5-6.*

ДЕТИ ВОЙНЫ

А мы не станем памяти перечить
и вспомним дни далекие,

когда

упала нам на тоненькие плечи
огромная,
недетская беда.

Была земля и жесткой, и метельной,
Была судьба

у всех людей одна.

Для нас и детства не было отдельно,
а были вместе –
детство и война.

А нас большая Родина хранила,
а нам Отчизна

матерью была.

И нас она от смерти заслонила,
и нас она
для жизни сберегла.

Тревожные сквозные дни и ночи
запомнятся навек

тебе и мне.

И пусть мы были маленькими очень,
мы тоже победили
в той войне.

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3. с. 492 (1985)*

...Вот и все
о концерте в госпитале
в том году.

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 1. с. 241 (1985)*

ТЫЛОВОЙ ГОСПИТАЛЬ

За окошком
дышит холод.
Ветер
воет
на луну...
Помещение
нашей школы
занял госпиталь
в войну.
Здесь легко обосновались
предвоенные слова.
И палаты назывались:
Третья – «Б»,
Восьмая – «А».
И хотя для неученых
медицина –
темный лес,
в школе выяснялось четко,
кто – «жилец»,
кто – «не жилец»...
Многодетные гвардейцы –
вечные ученики –
здесь учились,
будто в детстве,
делать первые шаги.
И метался по палате
стон полуночный:
«Сестра!..»
И не только службы ради
бодрствовали доктора
с покрасневшими глазами...
Здесь –
безжалостен и строг –

шел

невиданный экзамен,
нескончаемый урок,
где на всех –

одна задача:
даже если тяжело,
выжить –
так или иначе.

Выжить –

Гитлеру назло!..

Шло учение рисковно,
но одно известно мне:
кончившие

эту школу
больше знали
о войне!..
К остановке шли трамвайной,
уходили,
излечась.

Краше грамоты похвальной
было

направленье в часть.

А еще –

слова приветя.

И колеса –

сердцу в такт...

Знаю я,
что школу эту
покидали и не так.

Инвалидная команда
трубы медные брала.

Долго,

страшно

и громадно

эта музыка ползла.

Ежедневная дорога

будто –
 личная вина.
...А война была
далеко.
Далеко́ была
 война.

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3. с. 225 (1985)*

ТРЕТЬЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ

Третье Музыкальное, –
помнишь ты
 или нет
худого и заикающегося
курсанта
двенадцати лет?
Которому сразу же дали
огромный бас-геликон...
Влезал я в него,
 как в удава,
свернувшегося клубком.
Не просто
 мы постигали
науку
часов строевых,
а кроме –
играли гаммы
и ненавидели их.
Гаммы
 плыли из комнат
муторно и тяжело...
Но если случалось:
 в город
училище
строем
шло
и нашему взводу
давались
редкостные права, –
уж как мы тогда старались, –
не передашь в словах!
Это была не работа,
а исполненье мечты.

Ревмя
ревели тромбоны.
Поддакивали альты.
Кларнеты вовсю верещали,
но голос их
сразу пропал,
когда,
прохожих прельщая,
на совесть
забил
барабан!
Все это летело в лето
над строем знаменных пик.
Трубы визжали!
И флейты
впадали в щенячий писк.
Нас в холод и в жар бросало.
Была мостовая
мягка.
И были в груди у курсантов
не легкие,
а меха.
Не затихая,
дули!
Мелодия нас несла.
Синяя от натуги,
по городу
музыка
шла.
За нами бежали мальчишки,
завистливые и растерянные...
И мы
входили в училище –
гордые беспредельно!
Но старшина Иващенко,
вместо обычных похвал:

«Бездарно было,
товарищи! –
оценку игре
 давал. –
Вы только понять сумеете
на данном этапе
одно:
каждому
 инструменту
право на жизнь дано.
В каждом из них, –
 заметьте! –
живая душа звенит.
Но грохотом
 инструмента
ее нельзя заменить».
Нас покидали силы,
мы шли на обед неприкаянно...

Спасибо тебе,
спасибо,
Третье Музыкальное!

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 2. с. 7 (1985)*

В СОРОК ЧЕТВЕРТОМ

Везет
на фронт
мальчика
товарищ военный врач...
Мама моя,
мамочка,
не гладь меня,
не плачь!
На мне военная форма, –
не гладь меня при других!
На мне военная форма,
на мне
твои сапоги.
Не плачь!
Мне уже двенадцать,
я взрослый
почти...
Двоятся,
двоятся,
двоятся
рельсовые пути...
В кармане моем документы, –
печать войсковая строга.
В кармане моем документы,
по которым
я – сын полка.
Прославленного,
гвардейского,
проверенного в огне...
Я еду на фронт.
Я надеюсь,
что браунинг выдадут мне.
Что я в атаке

не струшу,
что время мое пришло.

Завидев меня,
старухи
охают тяжело:
«Сыночек...
Солдатик маленький...
Вот ведь
настали дни...»

Мама моя,
мамочка!
Скорей им все объясни!
Скажи,
чего это ради
они надо мной ревут?
Зачем
они меня глядят?
Зачем сыночком
зовут?
И что-то шепчут невнятно,
и темный суют калач.

Россия моя,
не надо!
Не гладь меня!
И не плачь!

Не гладь меня!
Я просто
будущий сын полка.
И никакого геройства
я не совершил
пока!

И даже тебе не ясно,
что у меня впереди...
Двоятся,

О, если б кто-то
искал меня!

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 2. с. 391 (1985)*

Мы судьбою не заласканы.
Но когда придет гроза,
мы возьмем судьбу за лацканы
и посмотрим ей в глаза.

Скажем:

«Загремели выстрелы.

В дом родной

вошла беда...

Надо драться?

Надо выстоять?»

И судьба ответит:

«Да».

Скажем:

«Что ж.

Идти готовы мы...

Но скажи ты нам тогда:

наши жены станут вдовами?!»

И судьба ответит:

«Да».

Спросим:

«Будет знамя красное

над землей

алеть всегда?

Наши дети

будут счастливы?»

И судьба ответит:

«Да».

И мы пойдем!

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 1. с. 321 (1985)*

ВОЙНА

(Отрывок из поэмы «Двести десять шагов»)

Было Училище.
Форма – на вырост.
Стрельбы с утра.

Строевая – зазря.

Полугодичный
ускоренный выпуск.

И на петлице
два кубаря.

Шел эшелон
по протяжной
России,
шел на войну
сквозь мельканье берез.

«Мы разобьем их!»,
Мы их осилим!»,
«Мы им докажем!» –
гудел паровоз.

Станции –
как новгородское вече.

Мир,
где клокочет людская беда.

Шел эшелон.
А навстречу,
навстречу –

лишь
санитарные поезда.

В глотку не лезла
горячая каша.

Полночь

гуденьем.

Мир был изломан,
был искажен.

Это

казалось ошибкой,

виденьем,

странным,

чудовищным миражом.

Только видение

не проходило:

следом за танками

у моста

пыльные парни

в серых мундирах

шли

и стреляли от живота.

Дыбились шпалы!

Насыпь качалась!

Кроме пожара,

Не видно ни зги!

Будто бы это планета

кончалась

там,

где сейчас наступали

враги.

Будто ее становилось все меньше!..

Ежась

от близких разрывов гранат, —

черный,

растерянный,

онемевший —

в жестком кювете

лежал лейтенант.

Мальчик

лежал посредине России,

снега и цветы.
Нежная
просит
девчонка,
с которой
так и не смог познакомиться
ТЫ.

Просит
далекая средняя школа,
ставшая госпиталем
с сентября.

Встань!
Чемпионы двора по футболу
просят тебя –
своего вратаря.

Просит
высокая звездная россыпь,
горы,
излучина каждой реки.

Маршал
приказывает
и просит:
«Встань, лейтенант!
Постарайся!
Смоги...»

Глядя значительно и сурово,
Вместе с землею и морем
скорбя,

просит об этом
крейсер «Аврора».

Тельман
об этом просит
тебя.

Просят деревни,

пропахшие гарью.
Солнце
 как колокол
 в небе гудит!
Просит из будущего
Гагарин.
Ты
 не поднимешься –
он
 не взлетит.
Просят
твои нерожденные дети.
Просит история!..

И тогда
встал
 лейтенант.
И шагнул по планете,
выкрикнув не по уставу:
«Айда!»
Встал
и пошел на врага,
 как вслепую.
(Сразу же сделалась влажной спина.)
Встал лейтенант!..
И наткнулся
 на пулю.
Большую и твердую,
как стена.
Вздрогнул он,
 будто от зимнего ветра.
Падал он медленно,
 как нараспев.
Падал он долго...
Упал он
 мгновенно.

Не вспомнят
 ни разу.
Никто
и никогда.
Бежит
 по оврагу
мутная вода...
Вот и дождь
 кончился.
Радуга
как полымя.

А ведь очень
хочется,
чтоб и про нас
 помнили!

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3. с. 292 (1985)*

– Почем фунт лиха?
– Не торгую
лихом.

Дверь в детство открывается со скрипом.
В который раз
мне память подсказала
пустынную дорогу до базара.
А на базаре

шла торговля
лихом!
Оно в те годы
называлось жмыхом.
Сырыми отрубями называлось
и очередью длинной
извивалось.

Оно просило сумрачно и сонно:
– Куплю буханку
за четыре сотни...
– Меняю сапоги
на поллитровку...

Оно
шагами меряло дорогу.
В дома входило,
улиц не покинув,
то строчкою:
«Оставлен город Киев...»
То слишком ясной,
слишком не подробной
казенною
бумагой похоронной.
И песни вдовьи

начинались тихо:
«Ой, горюшко!..
Ой, лишенько!..
Ой, лихо!..»
Глазами мудрецов
смотрели дети.

Продать все это?
За какие деньги?
Кто их чеканит?
Из чего чеканит?
Кто радости от горя
отсекает?..

Да, люди забывают о потерях.
Обманы терпят.
И обиды терпят.
Да, пламя гаснет.
Стоны затихают.
И даже вдовьи слезы
высыхают.
И снова людям
новый век отпущен.

Но память
возвращается к живущим.
Приходит память,
чтобы многократно
перехлестнуть календари
обратно.
Она в ночи плывет над головами
и говорит неслышными словами
о времени
суровом и великом.

Я помню все.
Я не торгую
лихом.

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 1. с. 239 (1985)*

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Смертью, которой грозят нам
враги, обретем мы бессмертье...

Муса Джалиль

До рассвета семьдесят восемь минут.
На рассвете
 ключ заскрипит в замке,
на рассвете в камеру люди войдут
и пролают приказ на чужом языке.
А потом будет десять визжащих дверей,
коридорный сквозняк,
 молчаливый конвой,
Будет яма на хмуром тюремном дворе
и тяжелое небо
 над головой.

Автоматчики тупо шеренгу сомкнут,

До рассвета семьдесят восемь минут.
И сейчас,
 на распухшие пальцы дыша,
задыхаясь,
 спеша,
 обгоняя рассвет,
пишет песню,
 последнюю песню,
 ПОЭТ
чуть заметным обломком карандаша.
Пусть от долгих допросов гудит голова.
пусть больная рука тяжелее свинца...
Но приходят
 единственные слова,
Как приказ,
 как присяга,

как клятва бойца.

Пишет,
пишет поэт...

И кончается ночь.
За стеною глухая команда слышна...
Даже фронт наступающий,
даже страна
не успеют,
не смогут,
не в силах помочь!

Я хочу,
чтоб ко мне его твердость пришла,
Чтоб не смел ни минуты растрчивать я,
Чтобы каждая песня
такою была,
будто это
последняя песня моя,
будто брезжит уже за окошком рассвет,
а враги ненавидят меня и клянут,
будто жить мне осталось не семьдесят лет,
а семьдесят восемь
минут.

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 1. с. 30 (1985)*

БАЗАР ТОГО ГОДА

Ю. Казакову

Базар?
Базар!

Торговки

базлали:

«Сахарин фасованный!»

«Целебная махра!»

Чего только не было

на этом базаре,

особенно

если в воскресенье,

с утра...

«Продам шинель новехонькую!

Сам бы носил – жалко!»

«Брусничная настоечка –
лекарство от невзгод!»

«А ну,

кому

шаньги!

Румяные шаньги!»

«А вот чудо-мыло».

«А вот костыль-самоход».

«Прыгающий мячик –

детишкам на забаву».

«Валенки!

Валенки на любой мороз!»

Продавал ругательства –
за полтинник

пару –

чернявый

хриповатый

безногий матрос...
«Имеются ушанки.

Три кило ворсу.

Налетай, служивые!
Цена – пустяк».

– А у вас, дедуся?..
– У меня
фокусы.
– Что еще за новость?
Как это?
– А так...

Он прямо на бульжнике

расстелил коврик.

Из собственного уха
огурец извлек.

И в мутноватой лужице

среди арбузных корок

заплавал,

заплескался

серебряный малек...

А старичок выдергивал

голубей из сумочки,

потом превратил полено

в заржавленную пилу...

Старичок старался!

Мелькали пальцы сухонькие...

«Э-гей!

Кому фокусы!

Недорого беру».

Подходила публика.

Смеялись бабы в голос...

А мальчишка –
замерзший,

Был солдат
на небывалой войне,
на дорогах обожженной планеты.
Он сначала видел

только во сне

День Победы...

Отступал он

и в атаку ходил,
превозмог он все раненья и беды.

Был готов он жизнь отдать

за один

День Победы!..

И ни разу

ни слезинки из глаз,
он усталости и страха
не ведал...

А заплакал он

единственный раз.

В День Победы.

*Рождественский Р.И. Стихотворения. –
М.: ЭКСМО, 2010. – С. 313.*

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИЮНЕ 45 ГОДА

Жаркий день.
Трамвайные звонки.
По Москве
 сержант шагает браво.
Все на нем сияет:
 орден Славы,
пряжка на ремне
и сапоги.
Он идет к Садовому по Бронной,
сдерживая торжество
 с трудом.
Неубитый,
 радостный,
 здоровый –
он шагает!..

И при всем при том
так глядит
 на девушек столичных
сквозь свою
двадцатую весну,
будто он вчера –
 единолично! –
взял Берлин
и выиграл
войну.

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3. с. 431 (1985)*

НА ВОЕННОМ ПАРАДЕ

Вот уже вступила техника на площадь.
И уже
словно ток прошел по стайке
иностранных атташе, –
нынче
фоторепортерами
работают они!

А по площади,
по площади
течет река
брони!
Твердь земная
прогибается,
и стекла дребезжат.
Сверхсерьезные ракеты
на прицепах
возлежат.

Наша общая забота.
Строгость оборонных дел.
Хоть никто из нас на этом деле
не разбогател.

Не купил лесов и замков.
Миллионов не припас...
Но когда б
такого не было,
то не было бы
нас!
Мы бы не были
Державой.
Мы бы
канули в ночи...

Сердце,
что ж ты так забилося?

Погоди,
не грохочи!
Что я вспомнил?
Что подумал?
За тобой

куда иду?..

Нам бы
четверть этой силищи
в том
взорванном году!

Никогда не повторится
сорок первый.

Никогда!..

Вот течет она по площади –
защита и беда...

А из будущего века,
из сплошного далека
смотрят дети,
смотрят дети,

не рожденные пока.

Смотрят с грустною надеждой
сквозь неведомую тьму...

Может быть, они

родиться

смогут

только потому,
что когда-то,
в наше время,
в грозах

нынешнего дня
грохотала по брусчатке

эта
жесткая броня!

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3. с. 331 (1985)*

ОТЕЦ И СЫН

М. Магомаеву

Бывает, песни не поются
ни наяву и ни во сне.
Отец хотел с войны вернуться,
да задержался
на войне.
Прошло и двадцать лет, и больше...

Устав над памятью грустить,
однажды сын приехал в Польшу –
отца родного

навестить.

Он отыскал его.

А дальше –

склонил он голову свою.

Уже он был

чуть-чуть постарше

отца,

убитого в бою...

А на могиле,

на могиле

лежали белые цветы.

Они сейчас похожи были

на госпитальные бинты.

И тяжело плескались флаги.

Был дождь

крутым и навесным.

И к сыну подошли поляки.

И помолчали вместе с ним.

Потом один сказал:

«Простите...»

Солдата

помнит шар земной.

Но вы, должно быть, захотите,

чтоб он лежал
в земле родной?»

Шуршал листвою мокрый ветер.
Дрожали капли на стекле...
И сын вполголоса ответил:
«Отец и так в родной земле».

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3. с. 175 (1985)*

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Перечитываю мемуары,
наступившее утро кляня...
Адмиралы и генералы
за собою

ведут меня.

И под жесткою их командой
в простирающемся огне
я иду

по такой громадной
и такой протяжной
войне.

От июня –

опять к июню,

От Днепра –

и снова к Днепру

я ползу,

летаю,

воюю,

все, что отдал,

назад беру.

Только где б я ни шел и ни плавал, –

в Заполярье,

в Крыму,

у Двины, –

я всегда нахожусь

на главном –

самом Главном Фронте войны!

Надо мною –

дымные хмары,

я ни в чем судьбу не виню...

Перечитываю мемуары.

Писем жду.

Друзей хороню.

Если б камни могли говорить
под летящими вдаль облаками,
рассказали б о мужестве
камни,
если б камни могли говорить.

С неба смотрят звезды, не мигая,
Тонет полночь в медленной волне...
А над Брестом
тишина такая,
будто мир оглох на той войне.

На границе родимой земли
вихревые сирены завывли.
Встали мертвые рядом с живыми
и, обнявшись, в бессмертье ушли.

Трескался бетон, изнемогая,
людям было тяжелей вдвойне...
А над Брестом
тишина такая,
что нельзя не вспомнить о войне.

Было каждое сердце как Брест!
Под огнем навесным, перекрестным
враг нарвался на тысячу Брестов,
билось каждое сердце, как Брест!

Сердце билось, боль преодолевая,
даже стены плавились в огне...
А над Брестом
тишина такая,
будто мир оглох на той войне.

Если б камни могли говорить
под летящими вдаль облаками,
рассказали б о мужестве
камни,
если б камни могли говорить.

*Из кн.: Рождественский Р.И.
Собр. соч. в 3-х тт. Т. 2. с. 484 (1985)*